

Отзыв
официального оппонента на диссертацию
Галимова Тэймура Рустэмовича
«Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях:
1237-1281 гг.», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.02 – «Отечественная история»

Проблема встраивания христианской церкви в структуру, культуру, быт и нравы древнерусского общества является предметом обсуждения исследователей уже очень давно. Со второго десятилетия XX века по известным причинам данная проблематика на некоторое время отступила на второй план, однако и в советской историографии ей порой уделялось много внимания, поскольку данный процесс сыграл значительную роль в формировании древнерусского государства, этноса, культуры и ментальности. Поэтому со времен перестройки эта проблема вновь вышла на первый план. Однако нельзя сказать, что она более или менее решена. В последние четверть века представления исторической науки о Древней Руси как социальном, экономическом и государственном явлении заметно изменились, а некоторые вопросы либо оказались слишком сложными, чтобы быстро и однозначно на них ответить, а некоторые даже не поднимались в отечественной науке после 1917 года.

К числу таких малоисследованных тем относится и проблема определения места Русской церкви в социальных, экономических и политических процессах на Руси в эпоху монгольского ига. Некоторые аспекты данной проблематики, в основном второй половины XIV – начала XV веков, получили свое разрешение в работах второй половины XX века – Г. М. Прохорова и прот. И. Мейендорфа. Изучением положения церкви и трансформации религиозных представлений на Руси в XIV веке занимались А.И. Алексеев и Б.В. Кричевский. Общую проблематику взаимоотношений Руси и монголов рассматривали Ю. В. Кривошеев и А. А. Горский. Однако в работах всех перечисленных и многих иных авторов вопросы бытования церкви в XIII веке не были главным предметом изучения.

Наиболее тематически близко к поставленной в диссертации Т. Р. Галимова проблеме находятся работы А. П. Григорьева и Р. А. Соколова, которые много занимались изучением истории Русской церкви в XIII веке и ее взаимоотношениями с монголами. Однако в работах первого церковь выступала не как общественный и политический институт, который является полноправным и волевым контрагентом во взаимоотношениях с Ордой, а всего лишь как одна из сторон в сложных многовекторных международных отношениях. Ракурс рассмотрения проблематики в его работах таков, что церковь как институт в нем специально не изучался. В работах второго историка предметом изучения была Русская церковь во второй половине XIII века, но вопрос о русско-ордынских отношениях в его работе был вынесен на второй план, из-за чего в этом отношении в работах Р. А. Соколова наблюдается заметное сужение ракурса. Таким образом, диссертация Т. Р. Галимова призвана заполнить лауну, образовавшуюся в исторической науке, в отношении изучения церковных русско-ордынских отношений с акцентом на определении роли в этих взаимоотношениях центральной церковной власти. Исходя из сложившегося направления научных поисков и современной конъюнктуры тема безусловно весьма актуальна.

Значительный объем диссертации – почти четверть – отведен под введение, что заставляет обратить на него особое внимание. Если с постановкой проблемы и определением ее актуальности можно вполне согласиться, а определение хронологических границ можно охарактеризовать как методологическую удачу, то этого

нельзя в полной мере сказать об обзоре историографии и источников. Хотя в целом они производят внушительное впечатление – общим объемом прочитанного и написанного, подчеркнутой систематичностью – при изучении этого обзора невольно возникает ряд вопросов. Прежде всего, вопрос необходимости рассмотрения ряда исследований, посвященных проблемам монгольского ига и русско-монгольских отношений в целом, где речь не идет о церкви (С. 11-13). Несогласие вызывает и рубрикация историографического обзора. Так, напрашивается разделение церковной и гражданской (светской) историографии дореволюционного периода – слишком уж разительно различны подходы, методы и проблематика историков церковной школы и университетских. Неудачной представляется двусмысленная и весьма неточная формулировка: «историография русской эмиграции XX в.» (С. 16), не хватает также известной книги прот. И. Мейендорфа «Византия и Московская Русь», где 2, 3 и 4 главы посвящены теме диссертационного исследования. Едва ли можно согласиться с утверждением, что «свое продолжение дореволюционная историография нашла в трудах ученых эмигрантов» (С. 16). Большая часть историков осталась на родине и составила костяк первой советской профессуры. Так, Б. Д. Греков еще до революции занимался вопросами истории церкви в Древней Руси, а Л. В. Черепнин, формировавшийся как историк в 1920-е годы, под руководством опытного источниковеда С. Б. Веселовского разбирал архив Троице-Сергиевой Лавры. В некоторых подпараграфах историографического и источниковедческого обзора зачем-то даются общие характеристики тех исследований, которые ниже разбираются более подробно. Как в обзоре, так и в работе упущен ряд ценных работ – И. Б. Грекова «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв.» (особенно С. 13-30), Ю. К. Бегунова «Памятник русской литературы XIII века “Слово о погибели Русской земли”». Зарубежную историографию не следовало ограничивать только современными исследованиями, но дополнить ее и работами, написанными в XX веке, среди которой выделяются исследования Дж. Феннела, Р. Пайпса, Ф. Шенка и других. Необоснованным представляется выделение в отдельные группы диссертационные исследования (С. 29-31) и статьи, опубликованные в сборниках, в журналах и в материалах конференций (С. 31-32). Среди современных церковных историков диссертант не заметил одного из основных историографов, посвятившего ряд статей рассматриваемой проблематике – архим. Макария (Веретенникова). Высказанные в отношении историографического блока замечания не являются критическими, являясь скорее пожеланием диссертанту учесть эти моменты в будущих исследованиях.

Источниковедческий обзор также детально структурирован и деление источников на типы следует признать удачным. Некоторые источники и история их создания рассмотрены очень бегло. А ведь от решения вопроса, когда написаны те или иные летописи или гипотетические своды (и их состав), произведения древнерусской литературы (в том числе агиографические произведения), каковы их взаимные соотношения и связи, порой зависит степень доверия источнику и характер его интерпретации. Фактически речь идет о герменевтическом методе, заявленном в диссертации как одном из основных. Местами хотелось бы видеть более последовательного его применения. На наш взгляд, лишним является подробный обзор источников, по времени создания примыкающих к нижней хронологической границе исследования. В обзор источников попали фрагменты их контент-анализа, которые логичнее было бы видеть в основном тексте работы. Разумеется, детальный обзор источников украшает диссертационную работу, а в исследовании Т. Р. Галимова обзор источников занимает значительное место и заметно подготавливает читателя диссертации к изучению событий и явлений, выделяемых из исторических источников.

Положения, выносимые на защиту, не вызывают возражений. В тексте диссертации они получили должное детальное рассмотрение и на основе глубокого анализа источниковой базы подтверждают правильность начальных посылок.

Первая глава диссертации посвящена, по сути, предыстории вопроса, вынесенного в заглавие работы. Речь идет о положении церкви на Руси в системе социальных, политических и экономических взаимоотношений середины XII (иногда автор углубляется и в более ранние эпохи) – первой трети XIII века. Несмотря на то, что тематически содержание данной главы выходит за рамки темы, ее присутствие в работе представляется оправданным, поскольку историко-сравнительный метод был основным методом, использованным диссертантом в его исследовании. Церковно-ордынские отношения второй половины XIII века будут обоснованно сравниваться с церковно-государственными отношениями более ранней эпохи. Сама характеристика отношений церкви и князей, церкви и городских элит и общин, правового и канонического положения епископата, экономических рычагов воздействия на киевскую митрополию дана на основании современных научных данных, на основе современной историографии и с широким привлечением источников и по содержанию возражений не вызывает.

Можно было бы заметить, что, касаясь концепций социально-политического устройства домонгольской Руси, диссертанту стоило бы обратить внимание на концепцию школы И. Я. Фроянова (С. 62), где древнерусские княжества понимаются как города-государства, вызревшие из племенных центров. Общины таких городов-государств, местные элиты и их политическая и социальная активность поданы в данной концепции как самостоятельные мощные силы, участие которых во всех делах было принципиально важным. Значительная же степень разрозненности волостей Русской земли определила также заметную трудность как во встраивании церкви в социальные структуры Руси, так и в сохранении статус-кво в каждом княжестве в отдельности и в поддержании на должном уровне контактов между собой. Эта особенность во многом определила не только отсутствие организованного общего сопротивления монголам, но и ту легко наступившую децентрализацию церковного управления, которую диссертант будет отмечать, когда будет говорить о церковно-политических процессах 1240-1250-х годов.

Отдельный параграф посвящен участию церковной иерархии в становлении взаимоотношений Руси с Византией. Этот вопрос важен постольку, поскольку в дальнейшем, при контактах Руси и Орды митрополиты будут выполнять сходную дипломатическую работу в Орде подобно тому, как они выполняли ее ранее в Византии.

Этот же дипломатический аспект деятельности высшей церковной иерархии раскрыт в параграфе, посвященном взаимоотношениям с Западной Европой (лучше было бы сказать – с латинскими странами Европы). Следует согласиться с выводом диссертанта, что обличительный тон посланий латинянам иерархов Русской церкви «позволяет заключить, что современники этих текстов не вполне ясно осознавали канонические реалии и догматические нормы латинской Европы. Более того, они не всегда понимали те различия, которые существовали между Германией и Римом по церковным вопросам» (С. 90). При сопоставлении дипломатического статуса митрополита Кирилла II и кардинала Платона Карпини полезно сравнение, которое привел диссертант, утверждая, что в княжеской среде «продолжительное время местные русские первосвятители пользовались меньшей честью перед латинским духовенством. Примером этого может служить сцена трогательного прощания еп. Бруно с князем Владимиром Святославичем» (С. 91). Менее убедительно утверждение диссертанта, что «Послание митрополита Иоанна II к папе — едва ли не единственный пример вовлечённости русских первосвятителей в европейские церковно-политические процессы. Более традиционным способом митрополичьего влияния выступали послания, обращённые к князьям или пастырям, способным повлиять на княжескую волю» (С. 91). Большинство архиерейских посланий не имеют внятного адресата (например, антилатинское послание митрополита Ефрема, послание митрополита Леонтия или «Стязание с латиной»), а послания князьям оказываются в меньшинстве и все они написаны в начале XII века. Скорее, эти примеры говорят о литературной активности авторов, пытавшихся выставить себя в выгодном свете в грекоязычной среде и выдать желаемое (понимание проблематики и участие в международных делах) за действительное.

Первый параграф второй главы посвящен событиям «междумитрополитства» 1237-1251 годов и является наиболее удачным разделом диссертации. Чрезвычайно плодотворным представляется сопоставление диссертантом событий 1240-х годов, когда епископат «проявлял предусмотрительную осторожность» и не совершал выбора предстоятеля церкви взамен исчезнувшего Иосифа, а также не поддерживал «самовыдвиженцев» из южных княжеств до поддержки их в Никейской империи, с событиями конца 1140-х – 1150-х годов, когда поставление епископами митрополита Клима Смолятича привело к административному расколу в Русской церкви и последующим репрессиям, санкционированным в Константинополе (С. 99).

Далеко идущими кажутся выводы диссертанта о «феноменологии» Владимирского собора 1274 года. Обычно деяния этого собора рассматриваются как срез типичных нравов, царивших в духовенстве и пастве древнерусской церкви. Диссертант убедительно показывает, что именно обстановка 1240-х годов породила злоупотребления, ставшие предметом соборного разбирательства (С. 100). Диссертант логично обосновал смещение галицкого и перемышльского епископов участием в политической борьбе (С. 100-101), хотя этот сюжет может иметь и иные объяснения. Например, обвинения мог инициировать и сам князь, чтобы, используя ситуацию хаоса в церковных делах, сместить неугодных ему архиереев, препятствием для чего ранее была позиция митрополита.

Этот предлагаемый тезис заставляет вернуться к личности последнего домонгольского митрополита – Иосифа, и к вопросу о его исчезновении. Диссертант пришел к выводу, который был им убедительно обоснован, что молчание источников о его судьбе недвусмысленно указывает на отсутствие в нем черт «героического и заслуживающего доброй памяти» (С. 98). Однако можно было бы пойти дальше и попытаться охарактеризовать личность митрополита, исходя как из факта его постыдного бегства (если конкретизировать форму его «исчезновения», закрепившуюся в историографии), так и из обстоятельств эпохи. Нужно признать, что после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году отношения между греками и латинянами (что итальянцами, что французами, что немцами) резко накалились. Оформление нового греческого государства, получившего наименование Никейской империи, и церковного управления в нем, потребовавшее времени, должно было привести греков к мысли, что в киевской митрополии церковная жизнь протекает значительно благополучнее, чем на многострадальной родине. Поэтому с начала 1210-х годов Киев должен был стать притягательным местом для конъюнктурных карьеристов из числа византийских архиереев или монашествующих. С 1205 по 1212 годы вокруг Киева развернулась нешуточная борьба, поэтому приехавший в эти годы митрополит Матфей едва ли был из числа людей, мечтавших найти в Киеве тихий, уютный и богатый уголок. Следующий митрополит – Кирилл – был поставлен сразу после битвы на Калке, т.е. также должен был воспринимать столицу своей митрополии как город, находившийся на переднем крае обороны против беспокойных степняков. В 1235 году вновь возобновилась борьба вокруг Киева. Однако поставленный в 1236 году Иосиф вполне мог рассматривать свою митрополию как относительно спокойный регион в православном ареале. В течение длительного времени перед 1236 годом, не считая разгрома на Калке, в русской митрополии все было более или менее благополучно, чего нельзя сказать об остатках Византии. Поэтому бегство митрополита, после того, как на Киев обрушились беды, сравнимые с бедами Византии в 1204 году, было совершенно естественным и повторяло виденное им 30 годами ранее бегство греков из Константинополя при сходных обстоятельствах. Патриарх Иоанн X также не погиб при взятии Константинополя, но и прекратил свою деятельность после бегства из столицы.

Особенно удачными видятся рассуждения диссертанта о личности Петра Акеровича и его полномочий. Совершенно резонно Т. Р. Галимов акцентировал внимание на том, что поездка Петра на Лионский собор не могла бы состояться без поддержки или хотя бы санкции властей (в данном случае южнорусских князей), поскольку «личность и

полномочия Петра... не вызвала у принимающей стороны возражений и сомнений» (С. 105). К сказанному можно только добавить, что титул архиепископа, который в Лионе мог быть интерпретирован в «восточном» духе и быть понят как титул автокефальной церкви, играл важную роль для самих участников Лионского собора, поскольку тогда его состав становился заметно более представительным. В этом случае римская иерархия не столько «видела перед собой не местоблюстителя, а действующего архиепископа» (С. 105), сколько хотела его таковым видеть. Но это только подкрепляет заключение диссертанта, что полномочия Петра были подтверждены и, тем самым, лишены даже тени сомнения в их легитимности. В этой связи стоит заметить, что появление Петра в Лионе было куда важнее для римской курии, нежели русским князьям, так как сам собор на русские дела повлиять никак не мог и потому едва ли мог вызвать интерес у древнерусского духовенства, в том числе и высшего (ср. С. 105) И совершенно убедительно заключение диссертанта о том, что поездка Петра Акеревича на Лионский собор указывает на его участие в антимонгольской деятельности, что не могло не стать причиной его падения с изменением политического вектора южнорусских князей и, в частности, убиением Михаила Черниговского, давая возможность проводить параллель с судьбой Климента Смолятича (С. 107).

Наблюдения диссертанта о судьбах русских епископий в 1240-х годах, уцелевших после монгольского нашествия (С. 107-108), может вызвать и еще одну ассоциацию, правда со значительно более поздними событиями. Поведение Петра Акеревича и епископа угровского Иоасафа очень напоминает поведение русских архиереев после объявления в 1922 году митрополитом Агафангелом (Преображенским) о переходе епархий на самоуправление, вскоре после установления коммунистического «ига», но задолго до массовых репрессий. Трудно согласиться с мнением Т. Р. Галимова, что в молчании древнерусского летописания об обстоятельствах поставления в митрополиты Кирилла II, которое должно было иметь, по мнению диссертанта (но что совершенно не очевидно в глазах древнерусского книжника), знаковое значение и потому должно было быть описано, скрывается недоверие поставлению митрополита в Никее (С. 110). Про возможные церковные неурядицы, происходившие в этом центре византийской эмиграции на Руси едва ли было многое известно, по крайней мере, летописи молчат о византийских церковных делах.

Выдвижение трех кандидатов за короткое время и победа Кирилла получили в диссертации убедительное объяснение. Причиной неудачи первого стали отсутствие поддержки со стороны князя («самовыдвижение», опиравшееся на галицкую знать) и участие в антимонгольской политике – второго. Княжеская поддержка и промонгольская политическая линия Кирилла, которые оказались возможными к концу 1240-х годов, позволили Кириллу стать митрополитом, устраивавшим все стороны процесса воссоздания высшего церковного управления на Руси (С. 111). К предложенной интерпретации событий можно лишь добавить, что успех был достигнут Кириллом еще и благодаря признанию в Никее, а это было возможно только в условиях отказа от политики «вынужденной автокефалии», свойственной русским епископиям и поддерживавшим их князьям ранее, в первой половине 1240-х годов. При наличии поддержки князя и Орды согласие никейского патриарха становилось в этой ситуации единственным решающим фактором поставления Кирилла в митрополиты.

Второй параграф второй главы посвящен событиям 1250-х годов. В нем представлена церковная политика митрополита Кирилла в контексте русско-монгольских отношений. В раскрытии темы этого параграфа видится несколько упущений. Первое – недостаточный акцент на церковной русско-ордынской политике князя Александра Невского, которая, несомненно, была согласована или, как минимум, приближена к деятельности в этом направлении митрополита Кирилла. Во всяком случае, в историографии, посвященной Александру Ярославичу, тезис об успешном сотрудничестве князя и митрополита является одним из наиболее твердо обоснованных.

Второе – обойден вопрос о реакции на одни и те же события в разных летописных центрах Руси: киевском (Ипатьевская летопись), ростовском (Лаврентьевская летопись), новгородском (Новгородская первая летопись) и, гипотетически, тверском и переяславском. Наиболее очевидна необходимость в таком анализе в таких сюжетах, в которых разночтение сообщений имеет смысловую основу, например, в истории посещения митрополитом Новгорода для поставления епископа Далмата (С. 115). Есть и общее слабое место второй главы диссертации – не хватает попытки более детально определить динамику событий хронологически.

При том, что никаких содержательных нареканий к данному параграфу высказать нельзя, можно посетовать на несколько упущенных возможностей. Описывая взаимоотношения митрополита Кирилла и ростовского епископа Кирилла, диссертант посчитал, что их взаимоотношения сложились «не без опоры на монголов», хотя не объяснил причин такого допущения и не развил этот, обещавший стать интересным пассаж. Там же он охарактеризовал признание южнорусскими епископами власти над ними митрополита как номинальное, но не объяснил, почему он так считает (С. 118).

Впрочем, в этом параграфе содержатся и убедительные выводы, которые можно признать научной новизной. Так, Т. Р. Галимов объяснил события начала 1260-х годов как реакцию на начало исламизации Орды, в которых митрополит занял нейтральную позицию, позволил ордынскому хану оттянуть завершение этого процесса и определить для себя Русскую церковь как свою союзницу во внутриордынских конфликтах, с чем диссертант связал появление первого из дошедших до нас ханского ярлыка митрополиту Кириллу (С. 119).

Третья глава посвящена в целом канонико-правовым вопросам взаимоотношений Орды и Русской церкви и формированию в условиях ига новых форм осуществления властных полномочий митрополитом. Среди успехов следует выделить обзор мнений взаимоотношений Русской церкви и ордынской администрации в церковной историографии (С. 130-131). Отмечая существенную разницу характера взаимоотношений между епископами и князьями до 1237 года, в эпоху активного монгольского контроля за русскими делами и во второй половине XIV века, диссертант указал, что вторая половина XIII века является фактически переходным периодом от тотального княжеского контроля над церковной политикой к заметной независимости епископата от княжеской власти (С. 134-135). Маркером стал Владимирский собор 1274 года, в деяниях которого русские князья никак не упоминаются.

Любопытно наблюдение диссертанта, что после восстановления Кириллом в новых условиях митрополичьей власти над епископиями существенно изменилась практика церковного суда. Если ранее требовалось позволение на его осуществление со стороны князя или города, то теперь, имея прикрытие со стороны ордынских властей, митрополит мог вершить суд, не взирая на волю горожан (С. 137). Стоит также отметить как удачную разработку диссертантом вопросов, связанных с экономической составляющей жизни церкви. Т. Р. Галимов пришел к выводу, что ввиду обеднения ктиторов, содержавших храмы и монастыри и влиявших на их жизнедеятельность, митрополит нашел возможность «изыскать новые ресурсы для содержания своей митрополии», организовав поборы с приходов, которые, в свою очередь, питались за счет прихожан. Жаль только, что диссертант не развил свою мысль о возникших у епископата проблемах в связи с «неожиданно возникшей самостоятельностью обитателей» и не пояснил, каким образом «унификация уставной жизни монастырей облегчала процесс введения монастырей под канонический контроль святительской власти» (С. 139). Интересны попытки диссертанта определить размеры поборов со ставленников в священный сан путем сопоставления с денежными эквивалентами, разработанными в исследовательской литературе (С. 140-141). Единственное замечание – к этим наблюдениям исследователей можно было отнестись более критически. Так, высчитывание стоимости коня исходя из штрафа за его кражу напоминает попытку высчитать стоимость проезда в общественном транспорте исходя из

штрафа на безбилетный проезд. Такими выводами некоторых исследователей можно было пренебречь.

Второй параграф третьей главы касается вопросов рецепции церковного участия в русско-ордынских конфликтах в произведениях современников. Стоит отметить сопоставление летописных статей аналогичного содержания домонгольской и послемонгольской эпох (С. 152). Диссертант также выдвинул и разработал любопытную концепцию укрупнения епископий как результат кризиса после 1237 года и как средство борьбы с ним, а также мысль о возможном временном переносе епископий их одного города в другой (С. 156-158).

Подводя итог анализу диссертации Т. Р. Галимова, можно отметить, что положения, выносимые на защиту, адекватно отражают содержание диссертации, а выводы соответствуют поставленным изначально целям и задачам. Хотя работа стилистически неровна и местами весьма не безупречна, выводы в конце каждой главы сформулированы очень убедительно и внятно, а заключение предельно емко и логично отражает выводы, к которым пришел диссертант в процессе исследования, а также содержит необходимые обобщения. К сожалению, в работе очень много опечаток и орфографических и синтаксических ошибок. В целом библиографический аппарат оформлен хорошо, но местами диссертант явно не успел привести его в порядок.

Обзор диссертации Т. Р. Галимова на соискание ученой степени кандидата исторических наук показывает, что автор овладел темой исследования и обосновал несколько положений, которые можно характеризовать как несомненную научную новизну, имеющую значение для развития исторической науки, а сама диссертация является добротной научно квалификационной работой. Автореферат в достаточной мере отражает содержание диссертации, которое также получило отражение в публикациях автора. Критические замечания, встречающиеся в отзыве, либо касаются второстепенных вопросов, не влияющих на выводы исследования, либо носят характер рекомендаций и рассуждений, навеянных ходом мысли диссертанта. Очевидно, что диссертация является хорошим заделом для дальнейших научных поисков в данном направлении и содержит необходимые теоретические разработки и практическую значимость. Диссертация соответствует требованиям, обозначенным в пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (в редакции от 02.08.2016), а ее автор – Тэймур Рустэмович Галимов – заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история)
проректор по научно-богословской работе,
доцент кафедры истории церкви

22.03.17

Костромин Константин Александрович

Подпись руки К.А.Костромина заверяю

Зав. канцелярией

О. Пономарева

О.И.Пономарева

22.03.2017

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования
"Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви"
Адрес: 191167, г. Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, дом 17
Телефон: 8 (812) 717-16-73
Электронная почта: kancilaria@yandex.ru